

ГЛАВНЫЙ

В 1937 ГОДУ на расширенном заседании Политбюро с участием руководителей Красной Армии были заслушаны сообщения участников войны в Испании. Один из них — Николай Воронов доложил о действиях артиллерии. В перерыве от подошедшего к нему Сталина 38-летний командир узнал о своем назначении на пост начальника артиллерии РККА.

Новая должность полностью поглотила Воронова. Владимир Воронов, полковник в отставке, кандидат исторических наук, сын Николая Воронова, рассказывал мне, как его отец, сменив во главе одного из родов войск комдива Н. Роговского, почти все время проводил в командировках на необычных просторах великой страны от Белоруссии до Тихого океана.

В артиллерии Николай Николаевич знал все. Имевший в молодости немало наград за личные стрельбы, он стал автором многих идей применения артиллерии в стратегических масштабах, нашедших применение в Великой Отечественной войне. Но Воронов не стал лауреатом Сталинской премии в области техники. Вождь никогда не давал добро на присвоение премии своего имени государственным деятелям или крупным военачальникам (как это стало принято позднее при распределении Государственных премий СССР), считая подобное соучастие политиков или маршалов их прямой обязанностью и долгом перед страной. А звание Героя Советского Союза Воронову присвоили в связи с 20-летием Победы, после того, как был отправлен в отставку Хрущев.

По свидетельству Владимира Воронова, сложный и напряженный характер новой работы быстро наложил отпечаток на внешний вид главного артиллериста СССР — на висках вдруг пропали седина, а лоб прорезали глубокие морщины. Влиял и Сталин с его непредсказуемым и противоречивым характером.

Воронов всегда считал, что у Сталина нельзя было отнять умение опираться на знания и опыт специалистов высшей квалификации, но в то же время у вождя имелось много необъяснимых привязанностей. Скажем, он терпел рядом зловещие фигуры вроде Мехлиса, а в артиллерии Кулика, которого в армии называли злым гением артиллерийского вооружения.

ГРИГОРИЙ КУЛИК, один из первых Маршалов Советского Союза, совершил немыслимые дела, совершенно не разбирался, в чем заключается перевооружение и модернизация артиллерии, своими решениями вносил невероятную путаницу в добрые дела, оглашал безжалостные приказы, при этом любил повторять: "кому тюрьма, а кому ордена". Его предложения и планы часто служили поводом для анекдотов среди высшего комначсостава. До поры-до времени многое прощалось Кулику: ведь он был со Сталиным под Царицыном, а затем стал начальником артиллерии Первой Конной армии.

Кулик имел настолько значительный вес в среде первых лиц государства, что на его свадьбу перед самой войной пожаловали едва ли не все члены Политбюро во главе со Сталиным, который не осчастливил ни до этого, ни после никакую другую свадьбу. Невеста, задушевная школьная подруга дочери маршала, была на тридцать лет моложе жениха.

Свадьба шумела не один день. Рекой лилось вино, доставленное из Молдавии и с Кавказа. Произнесенное Сталиным "горько" было подхвачено ветеранами Первой Конной с таким энтузиазмом, что редкие прохожие в оцепленном Большом Ржевском переулке испуганно убегали шаг...

Новая жена маршала (третья по счету в его жизни, предыдущую арестовали как дочь царского контрразведчика, расстрелянного чекистами в 1919 году) могла когда угодно неожиданно отлучиться из дома, не сообщив мужу, куда и с какой целью она направляется. Любила водить в квартиру из восьми комнат (маршал объединил на одном этаже две квартиры на трех членов семьи) веселые компании, а супруг, просыпаясь с большой головой лишь к обеду, с благодарностью пил из рук своей Киры Ивановны чай или рассол. Вот с кем пришлось Воронову служить бок о бок на протяжении нескольких лет, пока не началась война!

Кулик был одним из тех, кому Сталин доверил подготовку к отражению гитлеровского нашествия, кто уверял его в превосходстве Красной Армии над вермахтом и кто лично повинен в катастрофе 1941 года. Как и Ворошилов с Буденным, он оказался неспособным вести современную войну.

Полная бездарность Кулика проявилась уже на исходе 41-го года, когда пришлось сдать Крым. Его после этого исключили из состава ЦК партии, сняли с поста заместителя наркома обороны, понизили в звании до генерал-майора, но в дальнейшем пожалели — сделали генерал-лейтенантом и назначили командующим 24-й армией. Но и этой должностью он не справился.

Зато преуспевал в другом. Пользуясь служебным положением заместителя начальника Главуправления, Кулик привез с фронта пять легковых машин, двух племенных коров, незаконно использовал красноармейцев на строительстве для себя дачи под Москвой, а в Крыму, только что освобожденном от фашистов, присвоил еще одну дачу с мебелью, посудой, другим имуществом, не заплатив при этом ни рубля.

Кулик, с 19 июля 1945 года по 28 июня 1946 года заместитель командующего войсками Приволжского военного округа, снова в звании генерал-майора, очень любил на личном самолете летать на охоту — на бреющем полете расстреливал уток. 24 августа 1950 года жизнь Кулика, арестованного в 1947 году, оборвалась — ему, недавнему любимчику Сталина, вынесли смертный приговор.

Кулику припомнили конец 41-го года — страна вела смертельный бой, враг подошел к Москве, взял в блокаду Ленинград, люди в тылу страдали от холода и голода, а Кулик, еще Маршал Советского Союза, с помощью председателя Краснодарского крайисполкома, депутата Верховного Совета СССР Тюляева однажды послал жене полный вагон продуктов — три мешка белой муки, по мешку риса, гречневой крупы, около 50 ящиков с мандаринами, свыше тысячи лимонов, пять мешков орехов, 200 бутылок коньяку, 100 бутылок портвейна, столько же бутылок шампанского, по 50 килограммов украинской и копченой колбасы, примерно 250 килограммов барабанины и свинины, 18 банок зернистой икры, 25 килограммов паюсной икры, два ящика кефали, более 50 килограммов сала, немало конфет, чая, компотов разных сортов, 40 килограммов варенья.

Два военачальника — Главный маршал артиллерии и Маршал Советского Союза (Кулик восстановлен Хрущевым в маршальском звании и правах на ордена и медали 28 сентября 1957 года как жертва сталинских репрессий). Какие

разные судьбы, какое разное отношение к воинскому долгу, к Родине, к народу!

ЕЩЕ НЕ СМЕСТИВ Кулика, Сталин, надо отдать ему должное, оценил Воронова, прежде всего за огромное знание порученного дела. Сталину было лестно слышать, когда не только союзники, но и враги высоко оценивали советскую артиллерию, к успехам которой в Великой Отечественной войне в немалой степени был причастен Николай Николаевич. Плененный фельдмаршал Паулюс, когда его провозили мимо нашего орудия (кстати, самый первый допрос Паулюса провели Воронов и Рокоссовский), кивнув в его сторону, сказал: "Вот что нас погубило..."

Не в последнюю очередь Сталину нравилась эрудиция Воронова. Однажды на заседании Главного военного совета обсуждался Боевой устав артиллерии. Столкнувшись при чтении с термином "трасировка окопа", Сталин попросил Воронова объяснить, что это такое, добавив при этом слово "пожалуйста".

В главе, посвященной ПВО, Сталин прочел: "Посты ВНОС организуются..." и спросил: "Товарищ Тимошенко, что это за неблагозвучное название?" Маршал Советского Союза, незадолго до этого назначенный наркому обороны, встал, побагровел и начал вытирать обильный пот на бритой голове, мучительно пытаясь объяснить вождю аббревиатуру. И тогда вновь прозвучал голос Сталина: "Товарищ Воронов, поясните, пожалуйста, товарищу Тимошенко и мне, что такое ВНОС". Последовал четкий ответ: "Система воздушного наблюдения, оповещения и связи". Нарком после этих слов сел и еще долго не отнимал платка от лба...

Сталин неслучайно направлял Николая Николаевича представителем Ставки Верховного Главнокомандования повсюду, где нависала смертельная опасность над нашей страной или намечался перелом в Великой Отечественной войне — блокадный Ленинград, Сталинград, Курская дуга. И нигде, никогда Воронов не заслужил ни одного упрека от Верховного Главнокомандующего. Недаром ему, единственному в стране, было присвоено звание Главного маршала артиллерии, а 10 мая 1945 года портрет Воронова был опубликован в центральных газетах наряду еще с 18 портретами самых видных советских военачальников, включая легендарных командующих фронтами.

Николай Николаевич с уважением относился к вождю, к его полководческому дарованию. Воронов был свидетелем, как Сталин осуществлял руководство крупными фронтовыми операциями. Не по глобусу, как врал Хрущев, а в результате глубокого знания реальной обстановки на фронтах. В то же время Воронов видел немалые сталинские просчеты, скажем, на его взгляд, неоправданным было стремление любой ценой как можно быстрее уничтожить группировку Паулюса. Она и так неумолимо шла к агонии, неминуемой сдаче, ибо осталась без подкрепления, оружия, продовольствия, зимнего обмундирования. По мнению Воронова, часть имевшихся тогда около Сталинграда сил Красной Армии лучше было бы использовать для наступления на Ростов, что поставило бы под удар весь южный фланг врага. Подобный успех мог значительно приблизить окончание войны. Именно этого удара Красной Армии, как видно из послевоенных мемуаров гитлеровских военачальников, пуще огня боялось немецкое командование.

Воронов не мыслил свою жизнь без знания истории отечественной артиллерии. Он не только по-фамильно мог перечислить всех генералов, занимавших посты начальников-инспекторов русской артиллерии, но и знал имена и отчества каждого из них. Николай Николаевич любил бродить по букинистическим магазинам, копался в книгах о русских пушкарях, подбирал, а затем перечитывал комплекты "Артиллерийского журнала", основанного военным министром Аракчеевым в 1808 году.

В 1943 году Воронов узнал, что в Муроме на скучные средства родственников, не имея государственного пособия, живет генерал от артиллерии, начальник ГАУ русской армии в Первую мировую войну 87-летний Дмитрий Дмитриевич Кузьмин-Караваев. Поначалу Воронов послал ему подарки, а потом с помощью Сталина добился для генерала старой армии пенсии. Растроганный старик писал Николаю Николаевичу, что на склоне жизни гордится современными русскими артиллеристами, христолюбивым воинством, которое славно дразнило под Сталинградом.

Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов родился в 1899 году в Санкт-Петербурге. В 20 лет вступил в партию большевиков. Отец — учитель, всю блокаду проведший в городе-герое. Их род исходит из деревни Лап-

